

**Семантическая взаимообусловленность
предложных и приставочных элементов в контексте взглядов
В.А.Богородицкого на проблему индоевропейских языков**

*В.А.Богородицкий, сравнительно-историческое языкознание падеж,
датив, перспектива*

Сравнительно-историческое языкознание – одно из основных научных направлений XIX века. К этой проблематике обращались ведущие отечественные и зарубежные лингвисты. При преимущественном научном интересе к экспериментальной фонетике, выделявшем исследование В.А.Богородицкого, тематика сравнительно-исторического языкознания также стала объектом внимания ученого. Обращение же к проблеме происхождения и актуализации падежей в языках в «Кратком очерке сравнительной грамматики арио-европейских языков» во многом предвосхитило и типологические подходы к морфологии, дополняемые научными методами и задачами современной семантики и когнитивной лингвистики. А изучение характера взаимодействия предложных и приставочных элементов, по признанию М.В.Филипенко, стало в последние десятилетия одним из актуальных вопросов лингвистики [Филипенко 2000: 48]. Целью данной статьи является анализ особенностей функционирования служебных единиц русского языка *при* и *у*, употребляющихся в качестве разных функциональных языковых элементов – префиксов, предлогов и флексий – и отражающих общий фрагмент картины мира, обозначаемый через стандартную универсальную категорию датива.

В отличие от грамматического дательного падежа в традиционном его понимании, в рамках типологической универсальной стратегии датив может интерпретироваться как морфологический падеж. Термин «морфологический» применительно к падежу подразумевает его актуализацию через конкретную единицу в языке, несущую единую семантическую идею – когнитивную модель [Беляевская 2005: 5], которая позволяет объяснить как употребление самой языковой единицы, так и суть репрезентируемой ей категории во всех контекстуальных реализациях. Совершенно очевидно, что при таком подходе категория может быть признана своего рода «ярлыком» [Вежбицкая 1999: 46] и научно описана в рамках когнитивно-типологической стратегии [Croft 2003: 14]. Когнитивной – поскольку ассоциируется с обобщенным образом в сознании человека, типологической – так как ее проекция может быть представлена потенциально во всех языках, давая весомый семантический базис для межъязыкового сопоставления.

Примечателен тот факт, что в исследовании В.А.Богородицкого ведущим принципом описания падежей является семасиологический, позволяющий последовательно перейти в сравнительное рассмотрение падежных фактов в порядке склонений с завершением построения языковой гипотезы о праязыке. При этом факторами, оказывавшими влияние на первоначальные падежные окончания в отдельных языках, становились, по мнению В.А.Богородицкого, фонетические условия, а именно: ударенность, неударенность, фонетические условия фразы, морфологические переразложения, слоговые деления форм. В большинстве же ветвей индоевропейского языкового семейства, как считает ученый, «древнее различие двух видов интонации постепенно стерлось, уступив место однообразному экспираторному типу ударения и нередко с присоединением явления баритонизма ... благоприятствовавшего сокращению и потере окончаний и вместе с тем переходу к аналитическому строю». При этом одним из основных законов языковых изменений выступает закон аналогии – внутренней и внешней [Богородицкий 1917: 76-77]. Таким образом, «семасиологическая» падежная концепция В.А.Богородицкого оказывается логически встроенной в общую канву его лингвистических идей о фонетике как решающем факторе языкового развития и своеобразия.

Что касается дательного падежа, то В.А.Богородицкий определяет его основной смысл применительно к лицу или предмету, для которых совершается действие. В.А.Богородицкий был одним из первых отечественных лингвистов, кто подчеркивал связь дательного падежа с местным падежом на смысловой основе, уточняя, что дательный представляет собой не просто направление, а место, на которое ориентировано действие. Эта особенность рассматривается как ключевая причина, по которой, по мнению ученого, «происходит нередкое распространение по аналогии формы с одного падежа на другой». Именно закону аналогии приписывается происхождение славянского окончания -оу. Из двух видов окончаний дательного падежа – -ови и -оу – первое соответствует санскритскому окончанию, второе же происходит из местного [Богородицкий 1917: 103, 109].

Учитывая смысловую наполненность датива локативным субстратом, а также следуя современным методам когнитивного моделирования, нацеленным на попытку схематической репрезентации всех возможных значений языковой единицы, в том числе и без учета особенностей ее функционирования в структуре слова или синтагмы, проведем анализ классических случаев употребления указанных выше служебных элементов дативного комплекса в русском языке.

Элемент *при*, функционирующий и как предлог, и как префикс, сочетает в себе признаки локатива и датива. *При* как предлог преимущественно ассоциируется с местом совершения действия. Пример:

(1) **При** нем мне было совестно плакать <...> [Толстой 1984: 43].

Очевидно, что любой предмет – одушевленный и неодушевленный, – реферируемый предлогом *при*, отличается признаком активности и всецелостности сценария. Действие плача развивается на фоне присутствия другого человека. В таком словосочетании как *камень при дороге* подчеркивается не столько конкретное местонахождение камня, сколько роль дороги, где располагается камень. Таким образом, место расположения становится особо акцентированным.

Локатив же является падежом управления предлога *при*. При этом существительное в локативе имеет окончание -е, полностью совпадающее с окончанием дательного падежа существительных единственного числа женского рода, например:

(2) *Место в бричке есть* [Толстой 1984: 71].

Употребление *при* как префикса также подчеркивает идею совмещения зависимого предмета с его потенциальной основой в виде другого предмета. Выражаемое префиксальным глаголом событие описывает место как источник притяжения предмета в результате целенаправленного действия. Пример:

(3) *После этого я очень долго, стоя перед зеркалом, причесывал свою обильно напояженную голову; но сколько ни старался, я никак не мог пригладить вихры на макушке: как только я, желая испытать их послушание, переставал прижимать их щеткой, они поднимались и торчали в разные стороны, придавая моему лицу самое смешное выражение* [Толстой 1984: 87].

‘Причесывать’, ‘пригладить’ означают процесс совмещения волос и головы, ‘прижимать’ – осуществить действие совмещения под воздействием другого предмета, в данном случае щетки, ‘придавать’ подразумевает легкое уподобление, симулирование действию, выраженному глагольной основой ‘дать’.

Идею местоположения одного предмета возле другого выражает и предлог *у*, который управляет не предложным, а родительным падежом, чем обуславливается чисто грамматическая разница предлогов *при* и *у*. Семантическое же отличие предлога *у* от предлога *при* заключается, на наш взгляд, не в степени вовлеченности одного объекта в сферу функционирования другого и не в признаке близости / удаленности предметов, как это было показано в статье А.Р.Армеевой [Армеева 1998: 90]. Ключевым для определения разницы двух предлогов становится понятие перспективы, которое постулировал П.В.Дурст-Андерсен, проводя сопоставление не на уровне предлогов как языковых единиц, а с точки зрения различения дательного и родительного падежей как грамматических категорий смысла. Если дательный падеж представляет собой интравертную перспективу, предполагающую движение от далекого к близкому, то родительный падеж, наоборот, характеризуется перспективой экстравертной, связанной с движением от близкого к далекому [Дурст-Андерсен 2000: 140-142]. Пример:

(4) *Я сидел у окна и с нетерпением ожидал окончания всех приготовлений* [Толстой 1984: 79].

Не вызывает сомнений определенная степень близости нахождения человека возле окна. Употреблением предлога *у* слегка отдалается положение самого окна с точки зрения восприятия описываемого сценария.

Идея экстравертной перспективы усматривается и в префиксальных реализациях элемента *у*. 'Услыхать' означает 'устремление к слуху', 'увидеть' – 'устремление к видению', то есть попытку охвата событийного пространства соответственно слухом и зрением; 'убежать' также символизирует 'устремление к действию', выраженному глагольной основой *-бег-*, как показано в следующем примере:

(5) *Когда я услышал этот голос, увидел ее дрожащие губы и глаза, полные слез, я забыл про все и мне так стало грустно, больно и страшно, что хотелось бы лучше убежать, чем прощаться с нею* [Толстой 1984: 80-81].

В других случаях совершенно очевидной представляется смысловая связь между предлогами *при* и *у*, что проявляется и в грамматических способах выражения. Эти способы сводятся к возможностям 1) выражения предлогом *у* отношений принадлежности и 2) выражения флексией *-у* значения дательного падежа в отношении существительных единственного числа мужского рода. Примеры:

(6) *У Карла Ивановича в руках была коробочка своего изделия, у Володи – рисунок, у меня – стихи; у каждого на языке было приветствие, с которым он поднесет свой подарок* [Толстой 1984: 88].

Пример (6) демонстрирует идею принадлежности.

(7) *Она <...> подала руку Карлу Ивановичу и поцеловала его в морщинистый висок <...>* [Толстой 1984: 47].

Как видно из примера (7), флексия *-у* передает значение традиционного дательного падежа.

Анализ конкретного языкового материала позволяет сделать следующие выводы. Языковые единицы *при* и *у* функционируют и как предлог, и как префикс, выражая при этом общие присущие им интегральные значения. Значения обоих функторов связаны с нахождением одного предмета возле другого вследствие целенаправленного действия, движения, перемещения. При этом значение, выражаемое предлогом *при*, имплицитно интравертную перспективу движения – от далекого к близкому с позиции наблюдателя, в то время как предлог *у* определяет экстравертную перспективу, при которой точка совмещения предметов находится вдали от наблюдателя. Функтор *у* как флексия, описанная как специфический маркер русского дательного падежа в исследованиях В.А.Богородицкого, оправдывает свое функциональное предназначение в качестве элемента, входящего в сложный комплекс отношений, попадающих в смысловую сферу обслуживания датива и генетива как уни-

версальных морфологических падежей. Перспективы исследования определяются апробированием данных на материале других языков.

Литература

Армеева А.Р. Семантика одной группы предлогов со значением пространственной близости (*у, при, под, возле, около, рядом с*) / А.Р.Армеева // Актуальные проблемы языкознания: сб. работ молодых ученых филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 88–92.

Беляевская Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) / Е.Г.Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2005. – №1. С. 5–14.

Богородицкий В.А. Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков / В.А.Богородицкий. – Казань: Типо-литография Университета, 1917.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описания языков / А.Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999.

Дурст-Андерсен П.В. Предложно-падежная система русского языка. Понятие «контакт vs. неконтакт» / П.В.Дурст-Андерсен // Языки пространств. Логический анализ языка. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 135–151.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 1 / Л.Н.Толстой. – М.: Правда, 1984.

Филипенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях / М.В.Филипенко // Исследования по семантике предлогов. – М.: Русские словари, 2000. – С.12–54.

Croft W. Typology and Universals / W.Croft. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.